

*Трофимова Н.А.,
д.филол. наук, профессор НИУ ВШЭ,
Мамчич Ю.В.*

ПЕРЛОКУТИВНЫЙ ЭФФЕКТ ПРОКЛЯТИЯ

В статье ставится задача рассмотреть перлокутивный эффект речевого акта проклятия. В результате анализа автор доказывает, что проклятие не всегда является целенаправленным пожеланием вреда или несчастья другому человеку, в случаях неинтенционального проклятия перлокутивный эффект может быть отличным от традиционно ожидаемого. В последней части статьи сравниваются речевые акты проклятия и угрозы, выявляются их основные сходства и отличия.

Ключевые слова: речевой акт, проклятие, пожелание, угроза, перлокутивный эффект, перлокуция.

A PERLOCUTIONARY ACT OF CURSING

The main task of the article is to study the perlocutionary effect of cursing. After the analysis the author argues that cursing is not always a deliberate wish of harm or damage to the person, in cases of non-intentional curse the perlocutionary effect may be different from the traditionally expected one. In the last part of the article the author compares the speech acts of curse and menace, identifies their basic similarities and main differences.

Key words: speech act, curce, wish, menace, perlocutionary effect, perlocution.

Чего хотят достигнуть люди, произнося страшные и обидные слова проклятий? Каков предполагаемый воздействующий эффект проклятия? Всегда ли воздействие на адресата соответствует интенции говорящего? Настоящая статья является попыткой найти ответы на эти вопросы и определить статус перлокуции при совершении речевого действия проклятия.

Анализ речевого акта проклятия предполагает изучение природы проклятий и механизмов выражения их в речи, взаимодействия психологического, социокультурного и языкового в проклятиях, иначе говоря, рассмотрение виндиктивного дискурса в целом как процесса и результата вербализации речевого акта проклятия. Виндиктивный дискурс рассматривается как фрустрационно обусловленная осознанная и

целенаправленная агрессивная знаковая деятельность, которая реализуется в стратегиях устрашения и соответствующих им тактиках угрозы, поругания, изгнания и злопожелания [5, с. 4]. Осуществление угрожающих действий происходит в состоянии повышенного эмоционального напряжения, что стимулирует вербализацию говорящим – воздействующим субъектом соответствующей интенции – нанести вербальный урон адресату в виде пожелания ему смерти, болезней, бедности, неудачи, раздоров в семье и пр.

Проклятия уходят корнями в средневековые магические вербальные действия, направленные на желания для жертвы всяческих бед, лишения её малейшей вероятности благоприятного исхода событий. Проклятие (анафема) наиболее ярко выражало регулятивную роль культа, оно являлось санкцией за антиповедение, отклонение от принятых стандартов, за нарушение клятвы, договора, церковных правил, за еретически-атеистическое мировоззрение и образ жизни. Поле применения проклятия было весьма обширно, оно выступало как универсальное средство воздействия на жизнь человека. Сегодня проклятия потеряли свой сакральный смысл и используются для выражения крайне эмоционального негодования по отношению к чему или кому-либо. Их следует рассматривать как проявление сильной деструктивной агрессии, т.е. как имеющее отрицательные последствия коммуникативное воздействие и взаимодействие, это речь, оцениваемая в пейоративных определениях, как грубая, бранная, ругательная, обидная, оскорбительная, унижающая, подавляющая и т.п. [7, с. 7].

Важным условием успешности речевого действия проклятия является непосредственное присутствие адресата при его произнесении и вера в его действенность и силу, иначе говоря, проклятие должно быть узнано и ратифицировано как таковое. На обладающего здоровой психикой адресата проклятие не оказывает заметного влияния, в этом случае очевидно, что задуманное речевое действие терпит неудачу. Если же ожидаемый воздействующий эффект налицо и адресат выведен из психического

равновесия, испытывает сильное эмоциональное возбуждение, страх перед свершением проклятия, то говорящий с удовлетворением может констатировать успешность совершенного действия.

Известно, что агрессивные намерения часто реализуются неявно, но обладают при этом не меньшей воздействующей силой и широкими манипулятивными возможностями. Определяющую роль в проявлении истинной интенции субъекта высказывания проклятия играет контекст, речевая ситуация, включающая знания участников коммуникации об экстралингвистических условиях совершения речевого действия.

Рассмотрим роль контекста общения на примере типичной семейно-бытовой ситуации из фильма *Home Alone* (1999). Герой фильма, семилетний ребенок по имени Кевин, в запале, без долгих размышлений произносит совершенно нетипичную для малыша фразу *I don't want any family*, которая сама по себе не несёт специфической эмоциональной нагрузки, поскольку вне контекста совершенно неясно, какую иллокутивную цель ставит перед собой говорящий. Но при рассмотрении той же фразы в контексте интенция проявляется четко:

- *Everyone in this family hates me.*
- *Then, ask Santa for a new family!*
- *I don't want a new family, I don't want any family, families suck!* [7]

Очевидно, что высказывание семилетнего малыша является не просто констатацией нежелания иметь семью, это эмоциональное выражение речевого акта злопожелания, которое несет в себе иную смысловую нагрузку: «Я хочу, что бы вы все исчезли, потому что вы мне мешаете жить, я вас всех ненавижу».

Реакцией матери Кевина на его слова о том, что ему не нужна никакая семья, была следующей:

- *Stay up there. I don't want to see you again tonight.*
- *I don't want to see you for the rest of my life... I hope I never see any of you jerks again!*

- *Be careful with your wishes, they can come true* [7].

Понять происходящее в этой ситуации нам поможет понятие перлокуции, под которой понимается «речевое воздействие на объект, которое может вызвать некоторую ситуацию, субъектом которой является объект воздействия» [2]. Иначе говоря, если локутивный и иллюкутивный акты «неразрывны в том смысле, что при реализации любого локутивного акта необходимо совершается некоторый иллюкутивный акт» [3, с. 57-58], то перлокутивный акт находится за рамками этого гиперкомплекса, а является следствием его реализации. Перлокутивный эффект есть не что иное, как «ответный ход партнера по взаимодействию» [6]. В нашем примере таким «ответным ходом» является реакция матери на высказывание Кевина: *Be careful with your wishes, they can come true*. Свое нежелание видеть семью Кевин выразил неосознанно, поддавшись негативным эмоциям. Но его высказывание было правильно интерпретировано матерью как проклятие с легко читаемым смыслом «Да чтоб вы все провалились, негодяи» и, следовательно, имело соответствующий перлокутивный эффект - она (мать) задета и суеверно рекомендует сыну быть осторожным с проклятиями и злопожеланиями, поскольку они могут внезапно осуществиться.

Проклятие Кевина было неосознанным, неинтенциональным. О таком типе проклятий писал Е.Г. Кагаров, который различал кроме «умышленного» еще и проклятие «нечаянное, нечто вроде сглаза (<...>, неосторожно брошенная реплика и др.)» [1, с. 9]. Особенность такого проклятия заключается в том, что последствия его произнесения – перлокутивный эффект – противоречит иллюкутивной силе высказывания (его коммуникативной направленности). В намерения семилетнего малыша (проклинаящего) на самом деле не входит такое изменение реальности, какое происходит в результате совершения им речевого действия (он остается совершенно один в Рождественскую ночь). Единственная функция этого высказывания – выражение негативных эмоций: раздражения, досады и т.п., задача адресанта - "ранить словом".

«Нечаянное» проклятие в нашем примере усиливается словом *jerks* (негодяи), которое только в 20 веке стало употребляться в этом значении, в литературных произведениях ранних веков оно имеет другую семантику. В примере *The steel rod connecting the spring with the propeller was suddenly jerked out of place...* (E.A. Poe) слово *jerked* является глаголом со значением «резко сорвать, выдернуть» и не имеет значения проклятия.

Высказывание Баллу, героя произведения Р. Киплинга, открывает нам еще одно значение слова *jerk* - «рывок, резкое движение», которое в данном случае тоже более интенсивно выражает страдания и переживания медведя: - *Fool that I am! Oh, fat, brown, root-digging fool that I am, - said Ballou, uncoiling himself with a jerk. -It is true what Hanthi the wild Elephant says: To each his own fear...* [8]. Он ругает себя за то, что не смог уберечь Маугли, и тот оказался в плену у Бандерлогов. Переживания Баллу больше наполнены эмоциями страха за Маугли, он проклинает себя, применяя к себе инвективные обозначения и считая, что все происходящее с ним справедливо и заслужено. Приведенный пример является реакцией Баллу на слова Багиры о том, что Маугли угрожает опасность, следовательно, это тоже «ответный ход», результат перлокутивного воздействия.

Учитывая сказанное, мы выносим аспект перлокуции за рамки модели речевого акта, поскольку в речевой реализации он представляет собой самостоятельный речевой акт, обладающий собственной структурой и собственной перлокуцией. Значит, можно утверждать, что в синтагматическом плане аспект перлокуции (кроме инициативных и завершающих реплик общения) имеет двойственный характер - стимула и реакции одновременно [6]. При исследовании проклятия наиболее интересен характер реакции, поскольку при негативно складывающейся ситуации именно он чаще всего несет в себе значение пожелания зла.

Неосознанное проклятие - явление, достаточно редкое в общении. Значительно чаще встречаются интенциональные злопожелания-проклятия, изначально задуманные как «выражение словами пожелания какой либо

беды, являющейся отражением известного душевного состояния человека», как «пожелание угрозы здоровью, благополучию, счастью, иногда самой жизни...» [4, с. 254]. Это высказывания неперскрипционного характера, вызванные аффективным состоянием говорящего.

Ярким примером проклятия является реакция Америго Бонасейра, героя романа М. Пузо, на судебный приговор, вынесенный обидчикам его дочери, которые жестоко избили, а затем изнасиловали ее, но поскольку не были ранее судимы и на тот момент не достигли совершеннолетия, получили в качестве наказания за совершенное преступление 3 года лишения свободы условно. Очевидно, такое наказание совершенно не устраивало убитого горем отца и тот в порыве отчаяния произнёс следующее: *You will weep, as I have wept – I wish to make you weep, as your children made me weep* [9]. В этих словах четко прослеживается пожелание угрозы «Вы будете страдать так же как и я, я хочу чтобы вы страдали, пусть вам будет так же больно, как и мне». В этом проклятии чётко прослеживается иллокутивная цель заставить преступников бояться («бойтесь, потому что я хочу, чтобы вы тоже страдали»). К сожалению, иллокутивная цель высказывания не достигается, поскольку подсудимые вместе с родителями покидают зал судебного заседания в прекраснейшем настроении и совершенно не обращают внимания на слова безутешного отца. Перлокутивный эффект отсрочен во времени, он наступает позднее, когда реальность изменилась так, как того хотел Америго Бонасейра. Буквально через несколько месяцев обидчики его дочери оказались на больничной койке с тяжкими телесными повреждениями.

Проклятье следует отграничивать от угрозы. Рассмотрим примеры:

To hell with you and your souls [10].

It's too late for you, kid! We're in the house. We're gonna get you! Now you're dead [7].

Оба примера содержат пожелание угрозы жизни, но все же разница между «Гори в аду» и «Ты труп» существенная. В первом случае

злопожелание является проклятием, а во втором случае - угрозой. Исполнение проклятия *To hell with you and your souls* напрямую зависит от потусторонних сил, например от Бога или от Дьявола, поскольку само понятие ада мифично, он не является элементом повседневной реальности. Посылая людей в ад, мы не представляем себе душу, горящую в огне. Мы просто желаем неприятностей тому, кто причинил нам боль, осознавая, что самостоятельно мы не сможем добиться правосудия или наказать обидчика.

Перлокутивный эффект от проклятий типа *Go to hell, Go to devil, Damn you, Goddamn you* может проявиться позднее в виде страха, боязни того, что проклятие сбудется. Эффект проклятия наступит и в случае, если адресат просто будет выведен из психологического равновесия или испытает сильное эмоциональное возбуждение, при условии, что проклятие будет узнано и ратифицировано как таковое. На обладающего здоровой психикой адресата злопожелание не оказывает заметного влияния, и в этом случае становится очевидным, что задуманное речевое действие терпит неудачу [4, с. 256].

Сравнивая приведенное выше проклятие с угрозой *We're gonna get you! Now you're dead*, мы видим, что угроза исходит напрямую от человека и её исполнение тоже зависит от человека, который решает самостоятельно, исполнять их или нет, и случай здесь никакой роли не играет. Перлокутивный эффект достигается при произнесении этой и других угроз (*I'll slap you, I'll shoot you, I'll kill you*) в полном объёме, поскольку источник угрозы и возможность ее исполнения вполне реальны.

Еще один пример угрозы из фильма *Home Alone: You bomb me with one more can, kid... and I'll snap off your cojones and boil them in motor oil!* [7] Очевидно, что любой взрослый человек, не говоря уже о ребенке, испытает невероятное чувство страха, услышав в свой адрес подобную угрозу от двух взрослых вооружённых преступников. В данном случае перлокутивный эффект был достигнут в полном объеме: угроза подействовала и испуганному семилетнему Кевину осталось только спастись бегством.

Таким образом, проклятие, в силу своей остро негативной семантики занимает особое место в ряду высказываний, интенцией которых является моделирование желаемого положения дел в реальной жизни. Оно несет в себе только негативные эмоции и желание причинить страдания адресату. Речевой акт проклятия обладает самым сильным перлокутивным воздействием, так как полностью зависит от человеческой эмоций, которые чаще всего находятся в нестабильном состоянии, что позволяет достичь максимального эффекта.

Литература

1. Кагаров Е. Г. Греческие таблички с проклятиями / Е.Г. Кагаров. - Харьков, 1918. - 21 с.
2. Мищенко В.Я. Теоретические основы формирования прагматической компетенции: воздействие на адресата [Электронный ресурс] / В. Я. Мищенко. - Режим доступа: http://www.rusnauka.com/35_NOBG_2013/Philologia/1_151926.doc.htm, свободный. - Дата обращения: 17.04.2014.
3. Почепцов О.Г. Основы прагматического описания предложения. / О.Г. Почепцов. – Изд-во при Киев. гос. ун-те, 1986. – 115 с.
4. Трофимова Н.А. От любви до ненависти / Н. А. Трофимова. - СПб.: ИВЭСЭП, 2011. - 297 с.
5. Чесноков И.И. Речевой акт «клятва»: истоки и первичные формы объективации / И. И. Чесноков // Известия Волгоградского педагогического университета. - 2013. - №9 (84). - С. 4-7.
6. Шевченко И. С. Дискурс как мыслекоммуникативное образование [Электронный ресурс] / И. С. Шевченко, Е. И. Морозова // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. – 2003. – № 586. – С.33-38. - Режим доступа: <http://homepages.tversu.ru/~ips/JubShev.html>. - Дата обращения: 17.04.2014.
7. Щербинина Е. В. Вербальная агрессия / Е. В. Щербинина. – М.:

ЛКИ, 2008. – 360 стр.

8. Home Alone (субтитры к фильму) [Электронный ресурс] - Режим доступа <http://subscene.com/subtitles/home-alone>

9. Kipling R. The Jungle Book / R. Kipling. - New York City: Harper Press, 2010. – 226 P.

10. Puzo M. The God Father / M. Puzo. – UK: Penguin Books Ltd, 2012. – 489 P.

11. Stoker B. Dracula / B. Stoker. - New York City: Harper Press, 2012. – 320 P.